

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона В. Р. Розена.

ТОМЪ IX.

ВЫПУСКИ I—IV.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ВОСЬМИ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лп., № 12.

1896.

тысячу пословицъ и поговорокъ (въ переводѣ), *полтора*ста загадокъ въ текстѣ и переводѣ, сказку полную пословицъ: Сова, сычъ и филинъ, авторъ которой, Мулла Гульхана, составилъ ее въ первой четверти этого столѣтія, и наконецъ воспоминанія сына Худаяръ-хана Ибнъ-Яминъ-Бека. Пословицы и поговорки распредѣлены между XXI отдѣлами: I. Богъ, Судьба, Исламъ.¹⁾ II. Русскій, сарты и другіе народы. III. Мужчина и женщина. IV. Мужъ и жена. V. Родители, дѣти, сироты. VI. Дѣвица, дочь, невѣста. VII. Родственникъ, чужой. VIII. Рабы, слуги. IX. Сосѣдъ и гость. X. Другъ и врагъ. XI. Хорошій человекъ и дурной. XII. Умный и глупый. XIII. Богатый и бѣдный. XIV. Щедрый и скупой. XV. Сытый и голодный. XVI. Разныя занятія народа. XVII. Ишанъ-пиръ, мулла, ламъ. XVIII. Правители народа. XIX. Болѣзнь и смерть. XX. Разныя изреченія. XXI. Животныя. Звѣри. Птицы. Текста пословицъ и поговорокъ г. Остроумовъ не могъ, къ сожалѣнію, пздать по матеріальнымъ соображеніямъ; за то даны интересныя примѣчанія, въ которыхъ сдѣлана попытка воспользоваться пословицами для нѣкоторыхъ бытовыхъ картинъ. Воспоминанія сына Худаяръ-хана, наивныя и безискусственныя, ярко рисуютъ недовѣріе ко всему русскому, которымъ такъ проникнуто все старшее туземное поколѣніе.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы и слѣдующіе томы цѣннаго труда Н. П. Остроумова были также содержательны, какъ и этотъ.

С. О.

226. Galousté Ter-Mekertchian: Armeniaca I—XII. Հայկական Ա—ԺԲ. Գալուստ Տէր Մեկերտչեան Միաբան սրբոյ Էջմիածնի (արտատպած «Արարատ» ամսագրերից 1894 թ.), Вагаршанатъ 1894. 93 стр. 16°.

Въ Европѣ арменовѣдѣніе не процвѣтаетъ, какъ самостоятельная наука со своими спеціальными задачами: вопросы, касающіеся языка, литературы и исторіи армянской, ставятся и разрѣшаются со смѣлостью и непринужденностью дилетантской даже въ трудахъ людей науки. При явномъ равнодушіи въ Европѣ къ арменовѣдѣнію, при отсутствіи любовнаго отношенія спеціалиста къ дѣлу, приходится возлагать пока надежды на національный интересъ армянъ къ нашей отрасли востоковѣдѣнія, который можетъ сыграть полезную роль, если они будутъ удовлетворять этой весьма естественной и благородной жадѣ къ родиновѣдѣнію съ соблю-

1) Нельзя не пожалѣть, что отъ какой-то типографской неурядицы начало книги совсемъ перепутано.

деніємъ строгихъ научныхъ пріемовъ. Въ трудахъ Вѣнскихъ Мхитаристовъ мы уже имѣемъ краснорѣчивые факты, оправдывающіе наши надежды. Къ такимъ отраднѣмъ фактамъ относится и маленкій трудъ эчмиадзинскаго монаха Галуста Тэръ-Мкртчяна, болѣе извѣстнаго подъ псевдонимомъ «Міабанъ» монахъ.

Значеніе труда состоитъ въ томъ, что въ избитомъ, но нисколько не разрѣшенномъ, вопросѣ о Мойсеѣ Хоренскомъ авторъ изъ заколдованнаго круга общихъ разсужденій и рискованныхъ, преждевременныхъ сблженій выходитъ на новый путь, — путь непосредственнаго изслѣдованія рукописей и сравнительнаго изученія текста, съ расширеніемъ круга привлекаемыхъ къ сравненію памятниконъ національной литературы. Въ отношеніи изслѣдованія рукописей интересъ представляютъ немногія страницы (X, 69—83) XI, 83—84), посвященныя М. Хоренскому: авторъ располагалъ почти 30 списками Исторіи, изъ нихъ семнадцать непосредственно въ рукописяхъ, что и дало ему возможность установить четыре группы списковъ. Авторъ знакомитъ насъ пока съ результатомъ сличенія различныхъ списковъ въ общихъ чертахъ и даетъ перечень (стр. 80—81) рукописей, составляющихъ ту или другую группу.

Изъ двѣнадцати замѣтокъ, составляющихъ брошюру, только двѣ—VI, стр. 21—26 и IX, стр. 59—69 — не относятся непосредственно къ Исторіи М. Хоренскаго: первая посвящена выясненію писательской личности Тиранина, автора 200 отвѣтовъ, во второй сгруппированы свѣдѣнія о неізвѣстномъ доселѣ армянскомъ писателѣ X-го вѣка Арамѣ; мимоходомъ обѣщаются изданія его и другихъ необнародованныхъ авторовъ, между прочимъ Анаіи, сообщающаго «любопытныя историческія данныя» въ сочиненіи *Объ отпаденіи Алабаніи*. Въ этихъ статьяхъ Міабана много новаго, и все основано на рукописныхъ источникахъ, что составляетъ особую притягательную силу какъ этихъ такъ и другихъ замѣтокъ.

Въ болѣе мелкихъ статьяхъ разясняются отдѣльныя слова и термины, какъ *սրբազան* (I, 3 — 5), *ժամանակը իմ* (II, 5 — 12), *Դե՞ իմ* (III, 12 — 17), *ճիշտապես* (IV, 17 — 18, это собственно исправленіе одного недосмотра въ русскомъ переводѣ Эмина), *Երրորդ* и *Երրորդ* (V, 18—20). Въ вопросѣ о «Кунд-Арамздѣ» (VII, 26 — 35) Міабанъ на основаніи рукописныхъ и печатныхъ текстовъ устанавливаетъ существованіе въ армянской литературѣ выраженія «четырехлицыи Арамздѣ», но связи съ этимъ выраженіемъ *четырехъ Арамздовъ* текста Хоренскаго, изъ конхъ одинъ «Кунд-Арамздѣ», мы не видимъ. Міабанъ оспариваетъ наше толкованіе (Араксъ, 1890, II, стр. 59—62), такъ какъ Хоренскій не могъ знать четырехъ Ормуздовъ, но тутъ мы сталкиваемся съ роковымъ вопросомъ о

времени написанія или точнѣе послѣдней редакціи Исторіи Хоренскаго, и приходится пока молчать.

Двѣ другія замѣтки—VIII, 34—59 и XII, 86—93 — займутъ насъ дольше. Первая касается извѣстнаго образчика народнаго эпоса *Տէնչաւ ԿՆ*, приводимаго Хоренскимъ въ I, 10. Намъ кажется, Міабанъ увлекается, когда на основаніи армянскаго текста X вѣка или еще болѣе поздняго времени (Варданъ) онъ готовъ своеобразно толковать *արտախորակ* армянскаго перевода Библии, наперекоръ традиціонному значенію *головной уборы*, подтверждаемому также другой простой формою того же слова *խոր шапка* и ея эквивалентами въ родственныхъ языкахъ: арм. *խոր* изъ *qōθ, древнеперс. khūda, перс. خرد¹⁾). Ссылка на мѣста съ этимъ словомъ у Себэоса неудачна, и соображенія Міабана, долженствующія убѣдить насъ въ томъ, что Себэось употребилъ *արտախորակ* въ смыслѣ *набедренника*²⁾, несостоятельны³⁾. Кромѣ того, противъ своеобразнаго толкованія Міабана не только греческій текстъ Библии, какъ думаетъ авторъ брошюры, судя по стр. 43 — 44, но и еврейскій, гдѣ на соответствующемъ мѣстѣ стоятъ слово *כִּתְרֹן*. Слово это понимаютъ различно, то какъ *головную повязку*, то какъ *мантию*. Въ свое время мы укажемъ на то, какимъ образомъ это слово очутилось въ грузинскомъ со значеніемъ *башлыка, головного убора съ острымъ верхомъ и съ ниспадающими на плечи концами*: звучитъ оно по грузински *ka-bal-axi* или, съ перебоемъ перваго кореннаго *к* въ *t = вулг. *ჰ*, *ḡabal-axi*. Смыслъ этого слова въ еврейскомъ споренъ, и въ такихъ

1) Грузинское *ჭად* *qid-i шапка* я затрудняюсь сопоставить съ даннымъ персидскимъ словомъ: персидское *خ* въ заимствованныхъ словахъ передается грузинскимъ *q*. Съ другой стороны грузинское *qid-i* восходитъ къ болѣе древнему *gut, а эта форма засвидѣтельствована въ армянскомъ словѣ *գտակ* *g'tak* (изъ *gūtāk*).

2) Міабанъ, понимая *արտախորակ* въ смыслѣ *ծածկոյժ* *покрывала*, надо позагать, не преминулъ бы указать и на то, что въ груз. корень *qut* (аор. *qiga*) означаетъ *покрыть*. Общность корня въ груз. и арм. лично насъ не удивила бы, но, во-первыхъ, армянское слово нельзя отдѣлять отъ указанныхъ выше эквивалентовъ, и во-вторыхъ, если бы даже мы установили происхожденіе спорнаго слова отъ неарійскаго корня, рѣшеніе нашего вопроса отъ этого не измѣнилось бы, такъ какъ дѣло не въ этимологіи, а въ установившемся значеніи слова въ данной формѣ въ данную эпоху.

3) Міабанъ думаетъ, что у Себэоса (стр. 59, 63 и 65) въ наградахъ *արտախորակ* не можетъ означать *шапки*, такъ какъ *шапка* *գտակ* уже названа разъ. Но *գտակ* и *արտախորակ* могутъ быть оба головными уборами, различнаго въ смыслѣ почета достоинства. Вѣдѣть же *գտակ* отъ не исключается же *պատիկ*, также головной уборъ (*պատիկ*, *փափուկ* *повязка волосъ, diadema*). Если же *արտախորակ* понимать въ смыслѣ *башлыка* (по К. Патканову: *чалмы*), то *գտակ* *шапка* и не явится вовсе излишнимъ повтореніемъ. Наконецъ, почетные подарки или, какъ они зовутся позже въ мусульманскомъ мірѣ, *жалаты* не исключаютъ повторенія жалусмыхъ предметовъ. Правда, Міабанъ наираетъ на то, что *արտախորակ* у Себэоса упоминается рядомъ съ наколѣнниками, но изъ этого видно, что спорное слово не есть *наколѣнникъ*, и только.

случаяхъ армянскій текстъ съ совершенно яснымъ, въ виду его традиціоннаго употребленія, словомъ имѣетъ свое собственное значеніе, съ которымъ надо считаться. Ссылаться на новѣйшіе переводы съ еврейскаго въ подобныхъ случаяхъ не рачіонально.

Какъ оказывается, древнѣйшіе тексты (Библия, Себэосъ), указываемые Міабаномъ, не подтверждаютъ выставляемаго имъ значенія *արտաբերակ*, а потому остроумныя сопоставленія съ (будто-бы) аналогичными явленіями въ армянскомъ folk-lore'ѣ и въ древне-французской литературѣ теряютъ весь свой смыслъ. Дальнѣйшее, по существу, для вопроса безразлично, по нѣкоторыхъ частностей мы не можемъ обойти молчаніемъ: «*և զտից*» (Санахинская рукоп.: *և տից*) Міабанъ исправляетъ въ *զւտից* и **զստից* [а не слѣдовало ли скорѣе *զւրտից*?], но на какомъ основаніи? Тутъ уже, очевидно, *petitio principii*.

Міабанъ ссылается на I, 11 Исторіи М. Хоренскаго, гдѣ историкъ будто бы употребилъ тоже слово *զիստ*. Этого было бы мало, а главное — тутъ еще заблужденіе, раздѣляемое впрочемъ и другими толкователями М. Хоренскаго. Изъ всего цитуемаго Міабаномъ отрывка достаточно привести фразу *և յաջեիկէ զստիւնն երկաւորի և նիզակն արի ի ձեռնն իւրու՛մաջը*. Эмминъ переводитъ (1893, стр. 18): «при лѣвомъ бедрѣ — обоюдоострый мечъ, въ правой рукѣ — ретивое копье». Переводъ — неточенъ. Если допустимъ, что въ *զստիւնն* имѣемъ *бедро*, то *յաջեիկէ զստիւնն* будетъ означать не *на лѣвомъ бедрѣ*, а *съ лѣвой стороны бедра*, т. е. получится очевидная бессмыслица. Но въ подлинникѣ и рѣчи нѣтъ о бедрѣ.

Во-первыхъ, *զստիւնն* съ двумя *ն* этимологически невозможная форма, если производить ее отъ *զիստ*; во-вторыхъ, *երկաւորի* есть прилагательное и самостоятельно въ качествѣ существительнаго не можетъ стоять, безъ члена¹⁾, — такъ велитъ синтаксисъ. Наконецъ, во фразѣ имѣемъ образецъ параллелизма, и духъ классическаго армянскаго языка требуетъ внимательнаго къ нему отношенія. Противопологаются другъ другу лѣвая сторона и правая рука, эпитеты (*երկաւորի* и *արի*) и слова *զստիւնն* и *նիզակն*, оба означающія, очевидно, родъ оружія. Оба слова съ опредѣлительнымъ членомъ *ն*, при чемъ при первомъ предлогъ винительнаго падежа, подразумѣваемый, хотя и опущенный при *նիզակն* (и при слѣдующемъ еще *յաջանն*). Винительный зависить отъ подразумѣваемаго глагола *ստիւնն լնա*, который подобно *ἐχων* въ греческомъ, играетъ роль предлога *съ* (cum). Но что можетъ означать *ստիւն* (**setin*)? Большому Словарю такое слово неизвѣстно.

1) Самостоятельно имѣемъ его у М. Хоренскаго же въ VI, 82, но обязательно съ членомъ *երկաւորի*.

Эпитетъ — *երկապրի*, судя по тому же Словарю, прилагается и къ *սուր* мечъ и *երկաթ* *жельзо* (острое жельзное оружiе), собственно же значить съ двумя острыми концами, обоюдоострый, а такой эпитетъ приложимъ и къ другимъ оружiямъ, хотя бы къ *пикъ* или *копыю* (собственно, къ пхъ жельзному наконечнику). И дѣйствительно, армянское *ստիկն* *stin* (*seti-n), съ обычною армянскою назализаціею исходнаго гласнаго, есть точный эквивалентъ персидскаго *سَتی* *жельзо, копые*, и, очевидно, только въ этомъ значеніи и можно толковать *զստիկնն* въ данномъ мѣстѣ М. Хоренскаго. Оказывается, въ древности такъ и понимали сами армяне спорное мѣсто: это видно изъ того, что въ *ԳաղղաթառԹիւն* *Էն* I. Карянянца (стр. 28, II рук.) въ качествѣ рукописнаго разночтенія спорнаго слова приводится *զսուրիկն*, означающее *копые, пика*. Собственно самъ Хоренскій *սուրիկն* употребляетъ лишь въ смыслѣ метательнаго оружiя, такъ въ II, 5 *Հզէլ զսուրիկն Էն*, но *realia* древнеармянской жизни намъ такъ плохо извѣстны, что мы не настаиваемъ на какомъ-либо точномъ значеніи слова *սուրիկն*: у персовъ оно могло означать *копые*, у армянъ *мечъ*. Достаточно пока знать, что въ *սուրիկն* мы имѣемъ какое-то жельзное оружiе. По нашему точный переводъ спорнаго мѣста долженъ гласить: «(имѣя) слѣва (за поясомъ, на поясѣ)¹⁾ обоюдо-острое жельзо (мечъ? пикъ?), а ретивое копые въ правой рукѣ» и т. д.

Міабанъ придаетъ вообще преувеличенное значеніе разночтеніямъ. То или другое разночтеніе не можетъ расцѣпывать на исключительное наше вниманіе потому только, что оно болѣе доступно нашему пониманію, хотя бы его мы нашли въ сравнительно древней рукописи. Очень часто болѣе понятное и есть очень плохое чтеніе, свидѣтельствующее лишь о томъ, что и въ старину бывали попытки освѣтить темныя мѣста. При томъ мы не можемъ сочувствовать такому возстановленію текста, которымъ уничтожается поэтическая форма отрывка изъ народныхъ, по словамъ самаго Хоренскаго, пѣсенъ. Въ отрывкѣ замѣчается не только размѣръ, но и извѣстный параллелизмъ, если оставить текстъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, а это самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, пока не откроется значеніе *խաւարտ* и *խաւարծի*: видѣть въ нихъ какія-то травы, намъ кажется, нѣтъ никакого основанія. Мы возвратимся еще къ этому отрывку при другомъ случаѣ; замѣтимъ только, что обыкновенно при толкованіи не обращается вниманіе на связь этого отрывка съ контекстомъ и на мѣсто его въ циклѣ тѣхъ народныхъ сказаній, съ которыми М. Хоренскій

1) Непосредственно передъ этими словами въ текстѣ *զսուրեւորիաւ զմէջն նրբոսաց* *чресла*: судя по результатамъ изслѣдованій языческихъ могильниковъ въ Арменіи, мечи закладывались за поясъ.

знакомитъ насъ, къ сожалѣнію, отрывочно. Точною отправленія въ толкованіи отрывка должно быть не то или другое значеніе, которое удастся нашему остроумію подыскать для спорныхъ словъ, а пониманіе всего отрывка, неизбежно вытекающее изъ согласованія его съ другими разрозненными частями эпического цикла, а также назначенія, даннаго ему самимъ историкомъ; словомъ, волею неволею намъ остается исходить изъ общаго на поиски для выясненія частности, а не наоборотъ.

Въ послѣдней замѣткѣ (XII, стр. 86 — 93) Міабанъ касается извѣстнаго «камня преткновенія» для всѣхъ переводчиковъ Исторіи М. Хоренскаго въ I, 2. Слѣдуетъ вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ эчмиадзинскаго изслѣдователя, который видитъ въ нашемъ отрывкѣ намекъ на четыре науки и ихъ познателей. Мы уже объясняли спорныя строки на лекціяхъ на основаніи мѣста въ трактатѣ Давида Непобѣдимаго, когда Міабаномъ было помѣщено впервые письмо по этому вопросу въ *Հանդէս Դժոբեայ*, 1892, XII, стр. 372. Міабанъ указываетъ еще, что кромѣ Давида тоже говорятъ о наукахъ католикось Гютъ (у Калакантуйскаго), Ананія Мокскій и др. Содержаніе отрывка у Давида тоже, что въ указанныхъ еще г. Баумгартнеромъ (Ueber das Buch «Die Chrie», ZDMG. XL, стр. 489) строкахъ фрагмента врача Африкана (De Lagarde, Symmicta, 1877, I, стр. 175, 48—50): *Ἐξεῦρον τὴν μὲν ἀριθμητικὴν Φοίνικες, τὴν δὲ μουσικὴν Θράκες, τὴν δὲ γεωμετρίαν Αἰγύπτιοι, τὴν δὲ ἀστρονομίαν Χαλδαῖοι*. Совершенно ясно, какъ устанавливаетъ Міабанъ, что на подобную фразу Давида и намекается въ казавшихся загадочными словахъ Хоренскаго, и что, первоначально, въ текстѣ не было *և զգալ*, а вм. *սև թ* стояло *սև թ* [п]: это подтверждаютъ и рукописи Исторіи Хоренскаго, и древніе авторы. Но появленіе въ значительномъ количествѣ списковъ *և զգալ* и «*և*» (въ печатныхъ изданіяхъ только такое чтеніе и принято) слѣдуетъ объяснить иначе, чѣмъ путемъ описки; *ս* вовсе не такъ похоже на *թ*, чтобы смѣшивать ихъ: въ армянскомъ алфавитѣ трудно представить себѣ болѣе несхожія другъ съ другомъ буквы. Сверхъ того, въ высшей степени натянуто и даже произвольно видѣть въ «*և զգալ*» по недоразумѣнію отдѣленный отъ слѣдующаго *զթալ* предлогъ *զ*, когда этотъ предлогъ стоитъ на своемъ мѣстѣ, и ему еще предшествуетъ союзъ *և*; отъ такихъ пріемовъ въ исправленіи искаженныхъ мѣстъ надо разъ навсегда отказаться. Въ данномъ случаѣ искаженіе текста мы можемъ объяснить желаніемъ поднять сообщеніе М. Хоренскаго на современный интерполиатору уровень знаній, когда познѣвшими астрономію *Դժոբեայ* [սև թիւն] и музыку *Կրսով* [սև թիւն] счтялись не народности вообще — халден *Քաղդեացիս* и оракійцы *Թրակացիս*, — какъ это было во время Хоренскаго и долго еще послѣ него, а въ точности лица и существа, имена коихъ

начинались, съ перваго разу смущающими насъ, буквами Ք и Օ, а также Ս: это — съ одной стороны Ք[աբուստրա] *Ксарустра* и Օ[աբուստրա] *Зарустра*, а съ другой Ս[իրենի] *Сирены*. Дѣло въ томъ, что, судя по Мхитару Айриванкскому (Brosset, Hist. Chronol., стр. 42), армянамъ было извѣстно, что астрономію изобрѣли халдеи Зарустра и Ксарустра, а изобрѣтатели музыки, оракіицы, выучились этому искусству у Сиренъ ¹⁾. При такомъ пониманіи текстъ (пиптерполюванный) остается почти безъ измѣненія, лишь въ Ղ.Օ.սյ оказывается одно Ղ лишнимъ, такъ какъ Օ.սյ относится не къ послѣдующему (Ղ.Օ.սյ և Ղ(Թ)սյ), а къ предыдущему ՂԱ.Բ. սո Քէ և Օ.սյ.

Н. Марръ.

12-го апрѣля 1895.

227. Հարսթիւն Աբրահամեանի կեղծերը պարզեց Մ. Լ. Ս. Подлогъ *Артемія Араратскаго* раскрытъ А. Е. С., Баку, типографія «Ароръ» 1894. 220 стр. 8^о; цѣна 50 к.

Какъ извѣстно, Артемій А., «уроженецъ селенія Вагаршапата, близъ горы Арарата», описалъ свою жизнь и «приключенія, случившіяся съ нимъ отъ младенчества до совершенныхъ лѣтъ» (1774—1797 г.), въ мемуарахъ изданныхъ на русскомъ языкѣ въ 1813 г. Вскорѣ затѣмъ появились переводы нѣмецкій (Halle 1821) «aus dem Russischen» ²⁾ и англійскій (London 1822) «from the original Armenian written by himself» (Art. of Wagarschapat). Въ Библіографіи Міансарова къ концу описанія русскаго изданія прибавлено (стр. 547—548), что «армянскій текстъ до сихъ поръ не напечатанъ».

Авторъ выписанной въ заглавіи монографіи, пожелавшій скрыть себя подъ инициалами А. Е. С., весьма убѣдительно доказываетъ, что армянскій текстъ не можетъ и въ будущемъ быть напечатаннымъ, такъ какъ его не существовало никогда. Трудъ Артемія Араратскаго, по изслѣдованію А. Е. С., — 1) не есть переводъ мемуаровъ, писавшихся позо дня въ день, какъ увѣряетъ самъ авторъ: по армянски Арт. Ар. никогда ничего не писалъ, 2) не есть автобіографическое сочиненіе, составленное Арт. Араратскимъ по памяти, какъ можно было допустить, и 3) не относится вовсе къ исто-

1) Извѣстна еще изобрѣтательница пѣнія, посившая имя съ буквою «с» въ началѣ это — Sido, см. Chwolsohn, Die Ssabier, II, р. 242, прим. 282; впрочемъ Movers (Phön., I, р. 664) признаетъ въ ней Сирену (Chwolsohn, ib.).

2) Нѣмецкій переводъ снабженъ для своего времени недурно составленнымъ Введеніемъ (Einführung zu einer Kenntniss der Geographie, Geschichte, Religion und Litteratur der Armenier, pp. 3—72), принадлежащимъ перу переводчика «Consistorialrath D. Joh. Heinr. Russe».